

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ПУБЛИЦИСТИКЕ БОРИСА НИКОЛАЕВСКОГО

Т. В. Лебедева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются публицистические произведения журналиста Б. И. Николаевского периода эмиграции, посвящённые проблемам взаимоотношений России с государствами Запада. Подчёркнута роль России в европейской истории.

Ключевые слова: Б. И. Николаевский, российская эмиграция, публицистика русского зарубежья.

Abstract: articles of B. I. Nikolajevsky are devoted to contacts between Russia and countries of the West. The author stressed the Russian role in the European history.

Keywords: russian emigration, russian emigration publicist.

Борис Иванович Николаевский родился 20 октября 1887 года в башкирском городе Белебей в семье священника. Рано увлекся политикой и начал публиковаться в газетах. После Октябрьской революции был членом Учредительного собрания, участвовал в его Уфимском совещании, был кооптирован в члены ЦК партии эсеров и вскоре выслан из России. Поселившись в Париже, Николаевский регулярно печатается в «Русских записках» и «Современных записках». В основном это были небольшие рецензии, корреспонденции о литературных выставках и вечерах. С начала творческой деятельности Николаевский собирает автографы писателей, записки, письма, формируя собственный литературный архив. Он трепетно относится к документам и переживает по поводу того, что многие документы частных архивов в советской России могут быть уничтожены. В этом отношении интересна его статья «Из переписки деятелей пушкинской эпохи (Неизданные материалы из архива Ф. В. Булгарина)». В начале статьи автор соглашается с общепринятым мнением, что его герой «имеет в литературе малозавидную репутацию. Современниками было сложено на него много злых эпиграмм, — наиболее острые из них пристали к нему, как не отмываемые временем клейма» [1, 453]. Автор замечает, что такие оценки вполне соответствуют тому, что мы сейчас знаем о Булгарине, — за период расцвета его деятельности при Николае Первом. Но до 14 декабря 1825 года эти качества никак не проявлялись. Он дружил с Грибоедовым, Рылеевым, братьями Бестужевыми, Кюхельбекером, Федором Глинкой, братьями Тургеневыми, Полевым. «Даже Пушкин, в отношениях которого к Булгарину всегда имелся элемент какого-то почти органического недоверия,

временами, хотя и без большой охоты, — тоже заносил его в списки своих друзей» [1, 453].

Разумеется, Николаевский сообщает всё это читателям не для того, чтобы хоть как-то обелить фигуру человека, активно сотрудничавшего с пресловутым «третьим отделением», писавшим доносы на своих друзей. Оказывается, он переписывался со многими из них и эти письма хранил. Архив находился в имении Булгариных под Дерптом. Автор статьи тревожится по поводу того, как бы этот архив не исчез, как пропал в революционные годы сожженный в печке архив Бенкендорфа под Ревелем. Автор говорит и о других ценных архивах любителей русской словесности за рубежом, как, например, большое собрание писем и эпиграмм поэтов пушкинской поры, хранившееся в Берлине у потомков поклонника русской поэзии К. А. Варнгагена фон Энзе.

Николаевский обращается к теме важности сохранения и изучения архивов неоднократно. В том же 1939 г. в «Русских записках» он публикует статью «Архив Михаила Драгоманова», вокруг имени которого и его литературно-политического наследия велась ожесточенная политическая борьба, что мешало научной трактовке его взглядов. Автор приветствует издание Украинским научным институтом в Варшаве драгомановского архива, первый том которого содержит 130 писем, отправленных и полученных Драгомановым, в которых обсуждался вопрос о связи украинского и русского языков. Он замечает, что научные споры восточных славян о языке сильнее политических: «Галицийское украинство и тогда было антирусским, придерживалось австрийской ориентации» [2, 201]. Драгоманов доказывал, что «русский литературный язык является продуктом общей творческой работы, как великороссов, так и малороссов, и что в создании его роль украинца Гоголя была не меньшей, чем роль великоросса Пушкина» [2, 201].

Автор считает анализируемое издание одной из наиболее ценных публикаций по истории общественного движения в России и на Украине и выражает надежду на скорейший выход остальных томов.

Когда фашисты заняли Париж, рядом с Николаевским поселился эсесовский офицер, прикинувшийся интеллигентом, любителем истории, но при первом удобном случае укравшим весь его огромный архив. Журналисту удалось уехать в Америку, где он снова собирает весьма солидный архив по истории русского освободительного движения, по литературе и другим интересующим его вопросам.

В Соединенных Штатах он сразу же начинает активно сотрудничать с создающимся на его глазах «Новым журналом». С тех пор творчество публициста связано именно с этим изданием.

Во время Второй мировой войны Николаевский постоянно писал о том, что странам надо объединяться для совместной борьбы с фашизмом, и в первую очередь — братским странам, славянским. С этой точки зрения интересна статья «За вашу и нашу волю» с подзаголовком «Страницы истории советско-польских отношений». Он пишет, что «на протяжении веков пути народов русского и польского скрещивались и переплетались. В течение целого столетия им вообще пришлось жить под общей государственной крышей. Это был «не равный брак», не добровольный союз народов» [3, 252]. Автор подробно анализирует произведения польских и русских авторов на эту тему и отмечает, что в свое время по-своему прав был Адам Мицкевич с его призывом: «Боже, пошли нам войну, которая освободит Польшу», но прав был и его предшественник Станислав Сташиц, заявлявший, что нужна Федерация славянских народов с Россией во главе. Иначе славянам не спастись от порабощения немцами.

К теме славянского братства Николаевскому приходилось обращаться и через несколько лет после войны, когда он вместе с В. М. Зензиновым возглавлял «Лигу борьбы за народную свободу». Статья «Бешенство шовинистов» начинается словами: «То, чем может обернуться для человечества крайний национализм, показал нам Гитлер и его Третий рейх. Казалось, что урок, стоивший десятков миллионов человеческих жизней, не пройдет даром. Но, к ужасу, современники плохо учатся на примерах истории» [4, 198]. Автор считает, что разжигание национальной розни должно караться как преступление против человечности и человечества. Именно под этот параграф преступлений попадает, по его мнению, проповедь ненависти к русским, которой «с усердием и страстью занялись некоторые круги украинской эмиграции» [4, 199]. Он просматривает последние номера таких изданий, как «АБН-корреспондент», «Сучасна Украина», «Украинский вестник», «Украинский самостийник», и приходит к выводу, что в них идет речь не о теоретических и идейных разногласиях

в стане эмиграции, а ведется погромная и античеловеческая пропаганда против русского народа и всего русского. Он выписывает из шовинистических изданий за 1951 г. массу характерных высказываний типа: «Русские — варвары». Не может быть? Как не может быть, когда все черты у русских — гостеприимство народа, обильная еда, красочный колорит одежд, мешанина нежности и жестокости в их обычаях, их эмоциональность — всё это черты варварские» («Украинские вести», 30 августа). «Деспотизм, порабощение народов — чисто русская специальность. Русские — неисправимые империалисты. Русские никогда не были и не будут демократическим народом. Утопить их, проклятых москалей, в их собственной крови не дано, так будем топить их в грязи» («Украинский самостийник», 2 сентября). «АБН — корреспондент» идет еще дальше и призывает «бросать атомные бомбы не на Корею, Киев, Минск, Тифлис, а только на города и головы проклятых москалей» [4, 199].

Борис Николаевский, как руководитель крупной общественной организации, Лиги борьбы за народную свободу, призывает ООН обратить внимание на действия украинских шовинистов. Реакции не последовало. Результаты пожинает сегодня украинский народ.

Национализм, тем более в такой грубой и воинственной форме, был глубоко чужд Николаевскому. Напротив, он симпатизировал людям, стремившимся расширить свое представление о мире, о культуре с помощью путешествий, знакомств и дружбы с людьми разных национальностей. 26 февраля 1944 г. в Париже умер Петр Бернгардович Струве — разносторонний человек, известный политический деятель, сотрудничавший с Плехановым и Лениным. Многие зарубежные издания дали краткие сообщения об этом. В победном 45-м «Новый журнал» решил рассказать о нем подробнее и поручил сделать это Николаевскому. Борис Иванович отдал должное Струве-политику («Политическая деятельность — его страсть! Философ в политике! Однолюб в политике! Но «знамена» меня!»), однако подробно обо всем этом рассказывать читателям литературного журнала не стал.

Он рассказал об удивительной семье Струве, члены которой волею судеб оказывались жителями разных стран, но всегда вносили огромный вклад в их культуру. Прадед Петра Яков Струве был директором гимназии в немецком городе Альконе, но все его сыновья уехали в Россию, не желая воевать с ней на стороне Наполеона. Здесь его сын Василий, внук Людвиг стали директорами обсерваторий, академиками астрономии, а правнук Отто, эмигрировавший в США, стал президентом Международного астрономического союза. Дед героя очерка тоже был академиком астрономии, создателем Пулковской обсерватории. Отец Петра Струве «с отличием окончил Александровский лицей в 1847 г., когда там еще всё

было полно свежими воспоминаниями о другом Александре (отсюда культ Пушкина в семье). Перед ним лежала широкая дорога лёгкой карьеры, но он по доброй воле отправился в далекую Сибирь к Муравьеву (будущему Амурскому), которого как раз в том 1847 году Николай назначил генерал-губернатором Восточной Сибири с широчайшими полномочиями: вакханалия злоупотреблений в этом далеком заброшенном крае вела к развалу, который начал становиться жизненно опасным для судеб России на берегах Тихого океана» [5, 309].

Николаевский подчеркивает, что школа Муравьева-Амурского стала для Бернгарда Струве не менее важной, чем лицей. В 30 лет он стал губернатором Перми, но карьера его быстро оборвалась. Причину этого автор не берется объяснять сам, а цитирует старшего товарища Б. В. Струве, публициста, поэта Ивана Аксакова, который служил в департаменте правительствующего сената, в министерстве внутренних дел и знал «кухню» госслужбы изнутри: «Человек примерной честности, отличных административных способностей, оказался на русской службе неудобным: слишком прям, мужествен, неподатлив. Таких служба не терпит» [5, 309]. Так и пребывал отец героя очерка в полуопале, подрабатывая литературным трудом. Вместе с сыном декабриста Михаилом Волконским хотел писать книгу о Муравьеве-Амурском, но новая встреча с ним не состоялась: Муравьев умер.

Дружба с братьями Аксаковыми возбудила у Бернгарда Струве интерес к славянофильству. Братья представлялись ему «борцами за права человека и гражданина и за национальное начало». От споров в доме на эти темы, от чтения «Вестника Европы», который выписывал отец, в сознании юного Петра Струве закладывался интерес к славяноведению. Вдобавок, как он сам замечал, «многое начал видеть сквозь призму щедринского сарказма» [5, 312]. Таким путем, показывает Николаевский, Пётр Струве пришел к либерализму, утверждающему неотъемлемые права личности. «Либерал он и по убеждению, и по страсти, а к социализму пришел путем исключительно умственным. Считал, что социализм неизбежен... В его марксизме экономика с самого начала оттесняла на задний план социологию» [5, 318]. Из этой массы фактов автор делает вывод, что политическое самоопределение Струве шло не по одной линии, поэтому он по-разному чувствовал себя в среде марксистов и в среде либералов, но охотно общался с теми и другими. Обилие собранного материала привело к тому, что очерк, задуманный как портретный, стал очерком о большой семье, фактически — проблемным. Возможно, автор этого и хотел: подчеркнуть, какие люди приезжали в минувшие века в Россию, какой вклад они и их последующие поколения вносили в русскую культуру, и как советская Россия необдуманно теряла этот человеческий ка-

питал, вынуждая его представителей вернуться на Запад, чтобы своим трудом прославить родину далёких предков, а не свою собственную. Авторская тональность изложения способствовала усвоению этой идеи читателями.

Живя в Америке, Николаевский пополняет и без того огромный архив по истории русского освободительного движения и литературе, внимательно исследует интересующие его документы на эти и другие близкие его писательским и журналистским интересам темы. В результате рождается написанная им биография Карла Маркса и созданная в соавторстве с Д. Ю. Далиным книга «Советская каторга на Колыме», вышедшая в конце 1947 г. в издательстве Йельского университета.

После войны Николаевский неоднократно обращается к анализу экономической политики СССР и особенно — сельского хозяйства. В статье «Новый поход против деревни в СССР» он пишет о том, как советское правительство снова стало «ломать мужика» укрупнением колхозов, а также укрупнением бригад с 5—10 человек до 100—150, поскольку звеньевая организация труда показалась кому-то близкой к дореволюционной, семейно-общинной. Результаты новшества он анализирует, используя публикации «Московской правды», особенно её статистические сводки. Результаты удручающие: планы не выполнены, продукция растениеводства и животноводства разбазаривается. Волюнтаристское решение Хрущева о сселении «неперспективных деревень» нанесло сокрушительный удар по колхозам. Николаевский пишет, что на оккупированных фашистами территориях пострадал каждый третий крестьянский дом, люди до сих пор живут в землянках и сараях, а Хрущев предлагает выселять крестьян из добротных имеющихся домов в непостроенные агрогорода. Обрывалась последняя нить, связывающая крестьян с землёй — привязанность к малой родине, к родительским очагам и могилам. Селяемые колхозники либо противились сселению, либо ехали куда угодно, только не на центральные усадьбы.

В следующем номере «Нового журнала» выходит статья «Поражение Хрущева». В ее первых строках сказано, что советское правительство отказалось от планов принудительного сселения крестьян из мелких деревень в большие центры «укрупненных» колхозов. Кампания, начатая в 1950 г., не продержалась и года. По данным, которые опубликовал Бенедиктов, министр земледелия СССР, из 225 тысяч колхозов более 2/3 подвергнуто укрупнению... Реформа натолкнулась на трудности. Полевые работы проведены с опозданием. Укрупнение вредно отразилось на животноводстве, на сдаче продуктов государству. Автор отмечает, что крестьянство не выступало с активным протестом, но весь период укрупнения был полон «практикой активного сопротивления». В качестве живого примера происходившего он называет

рассказ Сергея Антонова «Поддубенские частушки»: «В рассказе явственно проступает желание автора сгладить все углы и изобразить жизнь деревни розовыми красками — и тем не менее автор не может скрыть, что деревня укрупнение колхозов приняла с недоброжелательством и сопротивлением» [6, 223]. Николаевский отмечает, что высокое начальство от идеи укрупнения отказалось не сразу. В газетах мелькали такие термины, как «урбанизация жизни деревни», «фабрики зерна», крестьяне назывались «сельскохозяйственными рабочими». В некоторых обзорах прессы выражалось сожаление, что процесс не доведен до конца. 4 марта 1951 г. одновременно в «Правде», «Московской правде» и «Социалистическом земледелии» была опубликована статья «вдохновителя и организатора» программы Н. С. Хрущева. Пропагандируя от имени правительства свою идею, он замечает, что термин «агрокорода» неудачен, ибо может возбудить у крестьян чрезмерные надежды. (Надежд не осталось даже на личное хозяйство: предлагалось урезать приусадебные участки до одной-полтора соток, чтобы не отрывать крестьян от общественного труда.) На следующий день в «Правде» было опубликовано «исправление ошибки», в нем говорилось, что по недосмотру редакции при печатании статьи Н. С. Хрущёва выпало примечание, что статья печатается в дискуссионном порядке и политбюро признало необходимым ее дезавуировать. Николаевский иронизирует по поводу того, как примечание могло выпасть сразу в трех газетах, и замечает, что это была первая за 12 лет открытая дезавуация члена политбюро и секретаря ЦК — в резкой, даже грубой форме. «Это был и удар по Хрущеву лично, и по политике, которую он пытался проводить» [6, 227]. По тому, что вопрос о сселении исчез со страниц советской печати, автор сделал вывод, что укрупнение колхозов провалилось, но предупредил, что «было бы большой ошибкой думать, что хрущёвские планы окончательно похоронены, что чаша принудительного сселения минует советское крестьянство» [7, 189]. Чаша не миновала. Брошенные вместе с мебелью, утварью и садами деревни и сегодня ждут хозяина, а его всё нет. Потомки старых хозяев давно живут в городах и уже успели стереть с себя обидное слово «маргиналы».

В октябре 1952 г. после тринадцатилетнего перерыва в Москве состоялся 19-й съезд КПСС. На нем тоже большое место было уделено сельскому хозяйству: его развитие в послевоенное время шло медленно. Об этом съезде и о крестьянском вопросе на нем Б. И. Николаевский говорил в своем докладе в Институте по изучению истории и культуры в СССР через три месяца после съезда. Он высоко оценил его значение: «Съезд явился не простым политическим фактом, а моментом, объединяющим прошлое и предопределяющим будущее. Открывается новый период развития партии и ее политики» [7, 189]. До-

кладчик считает, что Сталин умышленно старается внушить загранице, что интересы внешней политики он подчиняет интересам внутренней на основе тезиса о возможности построения социализма в одной стране, но — делается поправка! — только когда будет устранена внешняя опасность. Поэтому надо готовить внутренние отношения (экономику, политику) к будущему конфликту. Николаевский подчеркивает, что Сталин связывает разрешение «внешнего конфликта» с крестьянским вопросом, потому что «крестьянский элемент в военной области наименее надежен». Смысл решений — стремиться «уничтожить в крестьянской жизни те элементы, которые могли давать основания для антисоветских настроений и движений. Именно для этого проводится укрупнение колхозов и связанные с этим мероприятия, имеющие своей целью покончить в ближайшее время с крестьянством как с социальной категорией» [7, 190]. Разве не это предлагал Хрущев? Стоило ли отрешиваться от его статьи в трех центральных газетах? Такие разночтения в материалах съезда Николаевский находит снова и снова. С одной стороны, коммунисты признают все общественные формации кроме «азиатского способа производства» (имеются в виду народные хозяйства в восточных деспотиях древней и средней истории: требовалась сложная система оросительных каналов, вокруг которой создавался особый господствующий класс чиновников, которые брали себе часть прибавочного продукта). С другой стороны, «эта система орошения и связанная с нею социальная и государственная форма настолько напоминает то, что сейчас называют «сталинскими стройками», что в советских условиях даже простое упоминание об азиатском способе производства представляется общественно опасным явлением» [7, 190]. Николаевский отмечает, что процесс формирования нового правящего класса в СССР большой и сложный. Он идёт сверху, от государства. Новый устав партии показал стремление вытравить все элементы классового подхода к общественным явлениям. За войну партия выросла почти втрое. Как удержать в руках эти семь миллионов разных людей? Не возникнет ли в будущем опасность двоевластия между партией и государством? «В годы войны Сталин овладел всем», а что будет дальше? Уже наметилась некая конфронтация между хозяйственником Маленковым и политиком Ждановым. Жданов умер. Поезд с его телом встречали его ближайшие соратники Вознесенский и Кузнецов. Вскоре они исчезли. Через три месяца после съезда была обнаружена «группа врачей-вредителей». Из всего этого Николаевский делает вывод: «Сталин имеет такой колоссальный личный авторитет, что может маневрировать гораздо шире, чем кто-то другой. Смерть Сталина будет критическим моментом для развития власти и, при известных условиях, режим может потерпеть большие внутренние удары» [7,

191]. Сталин умер через полтора месяца после доклада Николаевского. Дальше всё происходило точно так, как он предполагал.

О неполноте и искажении информации, относящейся не только к политике, но и, например, к литературе, даже не современной, а касающейся писателей, живших в девятнадцатом веке, о замалчивании определённых фактов их биографий, их политических взглядов можно судить по перечню статей, опубликованных в «Новом журнале»: «Неизвестный Гоголь», «Клевета о Достоевском», «Литературные мытарства Чехова», «Трагедия Максима Горького». Это отмечал и Николаевский. Рецензируя два тома «Литературного наследия», посвященного Герцену, и многотомное собрание произведений писателя, он замечает, что их выход в свет — заслуга не столько советской историографии, сколько семьи Герцена, особенно его старшей дочери Натальи Александровны, еще до революции собравшей основную массу материалов. Журналист приветствует появление «Литнаследства» и 22 томов сочинений Герцена, хотя и эти издания не обошлись без изъятов: интерес к Герцену большой, но его «до 1905 года запрещали, и сейчас нет возможности изучать как следует» [6, 380]. Причину того, что писателя-революционера, любимого и цитируемого Лениным, не издают и как следует не изучают в советской России, Николаевский объясняет так: «Он был слишком свободным внутренне человеком, от всей его личной биографии, от всех его идейных исканий, от каждой строчки, им напи-

санной — так брызжет искрами свободной мыслью, что его свободное изучение (а без свободы ведь нет науки!) невозможно в несвободной стране» [8, 383].

Последние годы жизни Борис Иванович Николаевский провел в маленьком американском городке Маунтин-Вью. Кроме «Нового журнала» он активно сотрудничал с журналом «Русская мысль». Скончался он от сердечного приступа на 79-м году жизни и похоронен в Маунтин-Вью на местном кладбище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаевский Б. И. Из переписки деятелей Пушкинской эпохи / Б. И. Николаевский // Современные записки. — 1939. — № 68.
2. Николаевский Б. И. Архив Михаила Драгоманова / Б. И. Николаевский // Русские записки. — 1939. — № 15.
3. Николаевский Б. И. За вашу и нашу волю / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1944. — № 7.
4. Николаевский Б. И. Бешенство шовинистов / Б. И. Николаевский // Возрождение. — 1951. — № 17.
5. Николаевский Б. И. П. Б. Струве (1870—1944) / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1945. — № 10.
6. Николаевский Б. И. Поражение Хрущёва // Новый журнал. — 1951. — № 25.
7. Николаевский Б. И. 19-й партсъезд / Б. И. Николаевский // Вестник института по изучению истории и культуры СССР. — 1953. — № 4.
8. Николаевский Б. И. Герценоведение в советской России / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1945. — № 10.

*Воронежский государственный университет
Лебедева Т. В., доктор филологических наук, профессор
кафедры телевизионной и радиожурналистики
E-mail: tatyana-lebedeva-27@mail.ru*

*Voronezh State University
Lebedeva T. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of
the Television and Radio Journalism Department
E-mail: tatyana-lebedeva-27@mail.ru*